

Проблемы градостроительного образования¹

текст

Марк Меерович

Любая профессия, так же как и любая социально-экономическая система, развивается исключительно через кризисы. Собственно, их преодоление и есть развитие. Специфика прочности отечественной специальности градостроителя определена тем давлением, которому она подвергалась со стороны государства на всем протяжении существования СССР. Советская власть так упорно и с такой мощью изламывала архитектурную профессию, принуждая ее быть послушным визуализатором решений, принимаемых в иных инстанциях и из иных соображений – обороноспособности, ресурсодобычи, транспортного строительства, интересов авиационной и атомной промышленности, постулатов экономгеографии, требований наполнения населением окраинных и пограничных территорий и т. п., что теперь отечественному градостроительству никакой финансовый кризис не страшен.

А вот внутренний кризис профессия переживает уже больше 10 лет. И заключается он вовсе не в отсутствии денег, активизирующих деятельность строительного комплекса, не в отсутствии заказов на проектирование и даже не в недостатке преподавателей с ученой степенью доктора или кандидата наук. А в том системном перестроении роли государства в управлении градостроительством, которое уже фактически завершилось, но к которому профессия оказалась не только не готова, но которой она до сих пор даже не осознала.

Преемственность проектных решений в советской системе градостроительного проектирования обеспечивалась за счет организации процесса проектирования «сверху – вниз». Генеральным документом градостроительного планирования и государственного регулирования высшего уровня, была единая система расселения по территории страны. Она формировалась на основе отраслевых планов размещения промышленности, строительства транспортных коммуникаций, формирования энергетических узлов, разработки новых месторождений, возведения поселений, сосредотачивающих трудовые ресурсы и т. п. Исходя из стратегических решений, зафиксированных в схеме расселения, на нижележащем уровне проектирования разрабатывались схемы расселения по территориям союзных и автономных республик, краев и областей. А следующий уровень проектной проработки воплощал фрагмент общего, так называемого «народнохозяйственного плана» в генеральных планах городов и систем населенных мест.

Движение от «общего к конкретике» гарантировало передачу достоверных исходных данных от верхнего уровня (государственных плановых органов) на нижележащие уровни, обеспечивая согласованность проектных решений: от системы расселения – к республикам – областям, краям, системам населенных мест, городам и далее, вплоть до поселений самого мелкого масштаба.

В этой последовательности в советское время разрабатывалась вся проектная документация и основные проектные концепции в самом начале постсоветского периода, в том числе Единая схема расселения на территории России (1994–1997). Схема расселения проектировалась как централизованно-плановая,

не предполагавшая вмешательства каких-либо «естественных» деструктивных тенденций; не предусматривавшая протекания каких-либо иных градостроительных процессов, кроме уже учтенных и предварительно запланированных.

В самом конце 1990-х годов вся процедура формирования градостроительной документации, отработанная десятилетиями проектной и научной деятельности, воплощенная в понятной и очевидной последовательности действий, в одно мгновение перевернулась вверх тормашками: Градостроительный кодекс и корпус смежных с ним законодательных документов задали совершенно иную последовательность разработки градостроительной документации. Она, в противоположность «советской» процедуре градостроительного проектирования, описанной выше, осуществляется «снизу – вверх».

Лежащая в основе этого подхода, стратегия «местного сообщества», на сегодняшний момент имеет многогранную трактовку: а) «социальную» – решение определяется сообществом граждан, проживающих на территории, совместно с общественными организациями, а также руководством располагающихся здесь же фирм и администрацией муниципального образования; б) «планировочную» – инициативы сообщества микрорайонов (community of communities) «проверяются» на соответствие приоритетной цели, например «обеспечение открытости, доступности и дружелюбия территории»; в) «экологическую» – обеспечение условий равноправного совместного существования на одной территории человека и обитающих здесь же иных биологических видов; г) «профессионально-конкурсную» – конкурентная деятельность проектных организаций, способных предлагать идеи и разрабатывать решения, адекватные пожеланиям и возможностям населения² и т. п.

Но какие бы трактовки эта стратегия «местного сообщества» не несла, главное в ней то, что основной движущей силой порождения и воплощения любых градостроительных идей должно быть собственно население.

Именно его интересы открывают возможность для прихода на территорию частных инвесторов. Именно его решения задают перспективы развития территории. Именно его амбиции определяют направленность так называемого «неформального планирования» – непосредственного выражения своих «потребностей» на собраниях советов «микрорайонов» («нейборхудов», «комьюнити») и общественных дискуссиях. Проект, выполненный на основе этих пожеланий, является основной и конечной целью разработки документов территориального планирования. На более высоком уровне планирования осуществляется лишь «состыковка» и взаимосогласование этих «низовых» проектов. Причем региональные или общегосударственные проекты не обладают приоритетами и правами высшей инстанции по отношению к проектам местных сообществ. К проектам местных сообществ они относятся не с позиции главенствования, а как к равноправным суверенным партнерам.

Изменение процедуры градостроительного проектирования вызвало соответствующее изменение

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.
2. Кукина И.В. Концептуальное осмысление структуры «агломерации» в зарубежных странах. 2009. 7 с. (Рукопись).
3. Термин «микрорайон» («соседство», «коммуна», «урбо-деревня (urban village)» и т. п.) в данном случае отличается от его отечественной трактовки. «Микрорайон» может являться любое по численности сообщество жильцов любого локального фрагмента территории. Так, «микрорайон» может быть улица, заселенная преимущественно представителями одной нации или этнического меньшинства, осознавшими себя единицей самоуправления; квартал или группа кварталов, небольшое жилое образование, крупный планировочный район и т. п.

его содержания, которое теперь в равной степени направлено, как на работу с территорией (сооружениями, транспортными и инженерными сетями, ландшафтом и проч.), так и с группами людей, на этой территории проживающими. Архитекторам, воспитанным в системе планово-централизованного градостроительного проектирования, сложно видеть за любым проектным решением социальные и экономические последствия для конкретного человека и групп людей, которые в результате реализации этого решения что-то потеряют, либо обретут. Еще труднее работать с интересами людей и искать компромиссы между развитием различных сил, действующих в городском сообществе, и намечаемыми перспективами развития городской среды.

Но самое важное то, что в рамках подобного «соучаствующего проектирования», кардинальным образом изменились не только само содержание проектного продукта, характер достоверности исходных данных, типология заказчика, содержание прикладных теоретических знаний, но и, что самое важное, – «субъектность» профессионала-градостроителя. Если раньше архитектор принимал решения, ориентируясь на «объективность», заданную нормативами, теоретическими постулатами, возможностями базы стройиндустрии, то теперь технологии принятия градостроительных решений во все большей и большей степени становятся субъективными: решения принимаются не на основе общих требований и регулятивов, а ситуативно, на основе личной убежденности и личностного знания.

Вероятно, для выполнения подобных задач необходим несколько иной психотип личности, нежели тот, который привлекается сегодня в систему высшего архитектурного образования.

Предрасположенный не лепить и рисовать, а конструировать и мастерить. Приспособленный к тому, чтобы легко оперировать математическими формулами и методами расчета. Не столько гуманитарий, сколько механик, не столько обладающий способностями к художественному творчеству, сколько к инженерному моделированию. Возможно, следует в ориентации на этот психотип изменить состав предметов вступительных экзаменов на градостроительную специальность.

В соответствии с сегодняшним законодательством, деятельность урбанистов в решении градостроительных проблем должна опираться не на государство, а на местную власть, на демократические институты, на гражданское общество. Проблема, которая острее всего стоит сегодня перед профессией (и проектной практикой, и образованием), заключается в том, что в сегодняшней России административные органы на местах не способны выступать «ответственным заказчиком». Превратившись в последнее десятилетие из служащих, воплощавших государственные интересы, в касту сотрудников, нанимаемых главой администрации по принципу личной преданности; в девелоперов, ориентированных на извлечение прибыли (не обязательно в прямой, часто в косвенной форме), они отстаивают, прежде всего, собственные интересы или интересы коммерческих структур, от которых зависимы. И следовать их интересам – это означает либо лгать себе, либо сознательно изменять профессиональные ценности. При этом следовать запросам гражданского общества также невозможно: оно не научилось самоорганизовываться и внятно оформлять свои цели и предпочтения. Качество демократических институтов настолько не

развито, а уровень самоуправления населения настолько низок, что реально влиять на принятие властных решений, они никак не способны.

На чьей стороне находятся специалисты-градостроители? Отстаивают ли они интересы местного сообщества или в угоду своекорыстным интересам местной власти, готовы постоянно кроить и перекраивать («корректировать») проектную документацию для того, чтобы задним числом узаконивать неправомерно принимаемые решения по землеотводам? К чему должно готовить студентов градостроительное образование – отворачиваться от этих «непрофессиональных» феноменов или именно эти реалии класть в основу законодательной и проектной подготовки?

Сегодня в сферу «градостроительного бизнеса» возвращены все уничтоженные в советский период «субъекты» развития территорий и формирования городской среды: частный строительный бизнес, крупный капитал, независимые самоорганизующиеся кооперативные движения. И это резко изменило ситуацию в сравнении с тем периодом, когда государство являлось единственным начальником, финансистом, завхозом (выделяющим материальные ресурсы), прорабом, контролером и т. п.

Кому из «субъектов» развития территорий служит современный проектировщик-градостроитель? Этот вопрос ставит перед профессией задачу весьма непривычной специализации по предмету деятельности: а) «архитектор-адвокат»⁴, защищающий интересы населения, б) «архитектор-норматизатор», разрабатывающий правила землепользования и застройки, а также местные нормативы, в) «архитектор-исследователь», способный выявлять ключевые причины негативного качества городской среды и затруднений в ее функционировании и развитии, г) «архитектор-концептуалист», умеющий формировать стратегии развития поселений на основе наличных ресурсов и разрабатывать инвестиционные программы, способные привлекать финансовые средства и активизировать инициативы населения и бизнеса, д) «архитектор-управленец», работающий в территориальных органах публичной власти или государственный и муниципальных учреждениях и организациях, «архитектор-коммуникатор», своего рода «консультант-толмач», ничего не проектирующий, но обеспечивающий квалифицированный «перевод» смыслов при контактах между проектировщиками и заказывающими проекты товариществами собственников жилья и т. п.

Как следует осуществлять формирование учебных курсов, разъясняющих будущим специалистам разницу (идеологическую, содержательную, юридическую и, в конечном счете, даже финансовую) в «обслуживании» таких субъектов, как жители (общественные организации, гражданское общество), бизнес (частный, средний, крупный), органы управления развитием городов (муниципалитеты), государство (крупные инфраструктурные объекты, природоохранные мероприятия, оборонные задачи, безопасность жизнедеятельности и т. п.)? Как обеспечивать ассимиляцию новых областей знания – юридического, технического, организационно-управленческого и т. п.?

Уповать на вмешательство государства в эту ситуацию бесполезно. Определение содержания и направленности градостроительного образования, содержания региональной тематики, составляющей по новому ГОС значительную часть объема лекционных курсов – задача вузов. Какую позицию каждый из них

4. Кияненко К. Генри Санофф – к архитектуре, озабоченной человеком, о проектировании людей, с людьми и для людей // Архитектурный вестник. 2010. № 1 (121). С. 96–101.
5. Высоковский А. А. Удобный город: три уровня созидания // Город завтра: стратегическое управление развитием территорий. IV открытый градостроительный форум. Новосибирск, 14–15 апреля 2010. С. 45–52.

выработает? Какой тип самоопределения станет прививать студентам: обслуживание власти, служение жителям, отстаивание профессиональной «истины», поиск компромиссов через согласование разнонаправленных интересов «субъектов» городского развития и т. п.? Или все сразу? От этого напрямую будет зависеть качество среды обитания.

В советской системе планировщик-градостроитель занимал четко определенное место в системе фундаментальных и прикладных знаний, в кооперации с другими специалистами, в отношении общегосударственных нормативов, которые определялись на государственном уровне, исходя из планирования распределения ресурсов с учетом фактической (и предполагаемой) численности населения. Они являлись базовым элементом общегосударственной системы «равномерного распределения социальных благ», позволяя рассчитывать в отношении конкретных поселений потребное количество строительных объемов, которые затем, путем «рисования», превращались в планировку и инфраструктуру. Сегодня в этой системе деформировано все. И Градостроительный кодекс отменил государственные нормативы, отменил изначальное предписание того, сколько и чего нужно проектировать. Нормативы, превратившись из регулятивов, предшествовавших градостроительному проектированию, в результат разработки генплана. Сейчас местное самоуправление само решает, сколько следует построить школ и детских садов, парковок и торговых мест, спортивных комплексов и скверов. Нормативы лишь закрепляют эти планы в виде числового показателя – производной между наличными ресурсами, потребностями населения и реальными и прогнозируемыми источниками финансирования. Местные нормативы – это итог разработки документов стратегического и территориального планирования (т. е. генеральных планов).

Но студентов этому не учат. И сами преподаватели, и мастера-практики, привлекаемые к обучению, не способны осуществлять эту работу и уж тем более не могут разъяснить другим, как ее делать. Кто способен вычислять плотность застройки или рассчитывать баланс территории? Не заимствовать готовые показатели и применять их, а устанавливать самостоятельно! Кто понимает, в чем отличие «обязательных» норм от «рекомендательных» и как по-разному их разрабатывать; как разграничить «пространства функционирования»: а) градостроительных регламентов, б) технических стандартов, в) норм качества городской жизни; как обеспечить региональную привязку нормативных показателей к образу жизни, менталитету, традициям и местной культуре; как заранее учесть и заложить в нормы ресурсообеспеченность их исполнения; как одновременно с разработкой норм сформировать процедуры их практической реализации, а также наказания виновных в их несоблюдении? Все это задачи современного планировщика-градоустроителя⁵. Безусловно, на стыке и в кооперации с представителями других дисциплин, но в зоне личной профессиональной ответственности. Откуда взять эти специфические знания и умения? Градостроительное образование должно выступить инициатором формирования этих новых областей деятельности и квалификаций выпускников.

Серьезная проблема градостроительного образования (как, впрочем, и проектирования, и городского управления) заключается в фактической ликвидации прикладной науки. Может быть, в этих условиях сле-

дует превратить значительную часть градостроительного образования из «проектировочного» в «исследовательское»? То есть дать возможность преподавателям в сетке часов региональных курсов учить не проектированию, а проводить совместно со студентами (с теми, кто захочет) прикладные исследования, защищаемые затем в виде магистерских, кандидатских или докторских диссертаций. А для эффективности подобной работы переформатировать учебный процесс, позволяя вместо проведения в учебных группах семинаров и лабораторных работ, вести занятия в персональных мастерских, скомплектованных из студентов разных лет обучения. На практике проверяя знания, начитываемые в лекциях. Возможно тогда, вне системы контроля, сама собой возрастет ответственность преподавателей за десятилетиями транслируемые теоретические заповеди.

Тесно связана с вопросом содержания градостроительного образования и проблема устаревания знаний. Но также значительно более важным является факт отсутствия подлинной истории советской архитектуры и градостроительства, не позволяющей извлекать и транслировать опыт прошлого. Та картина архитектурных и градостроительных достижений в советский период, к которой мы привыкли, оказывается серьезно искаженной, так как трактуется исключительно как «творческие достижения». Но далеко не только собственно «творчество» возносило людей на высокие посты. В истории советской архитектуры переплетаются судьбы не только по-настоящему талантливых архитекторов, занимавших ключевые места в должностной архитектурной иерархии, но тех, которые не достигли никаких постов и званий, и тех, которые были бездарными карьеристами, достигшими значительных служебных высот. Мы знаем творческую биографию пары десятков мастеров советской архитектуры, имена которых на слуху. Но ведь об остальных мы так мало знаем не потому, что они были менее талантливыми, а лишь потому, что они не «забрались наверх». Не будь столь жестким механизм государственного регулирования архитектурного творчества в СССР, свои замыслы могли бы реализовать не десятки, а сотни, тысячи архитекторов. А в рамках всеобъемлющей государственной цензуры места на вершине искусственно выстроенной профессиональной иерархии заняли лишь те, кто смог вписаться в систему, сумел быть наиболее чутким к сигналам, идущим сверху, сумел славировать в непростых ситуациях профессионального и личного выбора, смог обрести покровителей.

Стратегии профессиональной карьеры, траектории движения по служебной лестнице в советской статусно-должностной иерархии до сих пор не исследованы и не описаны; в отношении к ним не раскрыты творческие пути лидеров советской архитектуры. Без подобных знаний история советской архитектуры превращается в мифологизированный поэзис в форме волшебных сказок о творчестве отдельных мастеров, в котором невозможно понять причины взлетов и падений отдельных советских архитекторов, ничего нельзя понять о «механизме» становления личности профессионала. И, что самое важное, нельзя извлечь из жизненных ситуаций и примеров постулаты профессиональной этики, способные руководить поведением тех, кто сегодня только лишь начинает свой путь в профессии.

А эти образцы жизненно необходимы для того, чтобы либо быть адекватным, либо осознанно противостоять той системе городского управления, которая

Из доклада Андрея Иванова на IV Открытом градостроительном форуме «Город Завтра» (Новосибирск) по теме: «Архитектор над городом. Место зодчих в полисубъектной модели формирования городской среды»

существует сегодня, для ясного понимания ее генетических корней. Понимать в какой мере сегодняшняя система родственна той, советской, старательно превращавшей архитекторов в послушных исполнителей и уловителей начальственных вкусов. Понимать, почему в подавляющем большинстве случаев в сталинской системе были исключены бескомпромиссное профессиональное обсуждение и профессиональная оценка проектов, почему проекты оценивались не в отношении к собственным убеждениям и собственным взглядам, а в отношении к явленным где-то наверху предпочтениям. Подобное знание способно придать волю молодым современным архитекторам в проявлении собственных знаний, а не в «улавливании» желаний нынешних заказчиков.

Следует констатировать: развитие городов и территорий в России принципиально не вернется к исключительно государственному финансированию, плановому вложению средств, строительству по разрабатываемым на 25 лет вперед генеральным планам или в соответствии с государственными стратегиями отраслевого социально-экономического развития. В России, как и в других странах с многоукладной собственностью и рыночными отношениями, развитие территорий уже основывается и в дальнейшем будет основываться на существовании множества разнотипных и разнохарактерных субъектов градостроительных инициатив: мелкого частного бизнеса, крупного бизнеса, кооперативных форм, местных сообществ, городской администрации, которая сегодня все более неуклонно выступает в роли девелопера, подменяя этим свои главные обязанности.

Государственное регулирование градостроительной деятельности никаких иных форм, кроме законодательных, не примет. В предписываемую Градостроительным кодексом организацию процесса проектирования ничего нового не добавит. Последовательность «снизу – вверх» не будет отменена. Заказчиков никто не станет заставлять оплачивать прикладные градостроительные исследования. Единые для всей страны нормативы введены не будут. Государство не станет проверять качество проектной документации и т. п.

Государственная профессия перестала быть нужна государству. И профессия должна найти в себе мужество впустить эту истину в свое коллективное сознание, понять, что она осталась одна, без внимания к своим проблемам, без внешней поддержки и без помощи. Осознать и выжить, изнутри себя, выработав способы и формы поддержания прикладной науки в условиях полного отсутствия финансирования; обеспечить качество градостроительных документов в условиях отсутствия достоверных исходных данных и какого бы то ни было реального стратегического планирования на местном и региональном уровнях. Найти формы исполнения профессиональной ответственности за продукт своего труда, в условиях, когда градостроитель перестал быть государственным служащим, когда практика выполнения градостроительной документации под требования конкретного инвестора превращает архитектора в заложника. Сформировать адекватную систему градостроительного образования.

Субъекты средоформирования: модель от НИИП Градостроительства

Субъекты средоформирования: модель от НИИП Градостроительства

А.Д.: О! насчет градостроительства мы с Амосом Федоровичем взяли свои меры: чем ближе старинные обычаи, тем лучше – заморских архитекторов дорогих мы не употребляем.

Город простой: если план начерчен, то и так построен.

А.Д.: Чудное место, где будет построен город N-ск! И хотя нет в нем пока всяких строений, но роскошь будет... В N-ске не будет ни воровства, ни мошенничества, потому что каждый знает как делать межевание земельного участка, а не измеряет что ему вздумается.

Субъекты средоформирования: модель автора

